

Полисемия лексемы «хлеб» и ее реализация в русской народной загадке

Ольга Александровна Мещерякова¹, Ульяна Игоревна Турко²,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Россия, Ленинградская область)¹,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Россия, Елец)², lameo56@yandex.ru¹,
selishchevskaya@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611724050079

АННОТАЦИЯ: В настоящей работе исследуется полисемия лексемы *хлеб*, реализуемая в русской народной загадке. Материалом для анализа послужили паремии, зафиксированные в сборнике «Загадки», подготовленном В. В. Митрофановой. Анализируется характер использования многозначной лексемы *хлеб* как в отгадке, так и в тексте собственно загадки.

В ответной части загадки именование хлебобулочного изделия осуществляется с помощью прямого значения лексемы *хлеб*, при этом наиболее востребованными оказываются два основных лексико-семантических варианта: ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’; ‘зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню’. Полисемией слова обусловлено распределение загадок с отгадкой *хлеб* по двум разделам сборника в соответствии с тематическим содержанием: «Пища, питье», «Пашня, покос, посев и обработка хлеба».

В вопросной части загадки лексема *хлеб* употребляется как в прямом, так и в переносном значении. Производное значение, возникающее на основе метафоры, обусловлено ассоциативными признаками, не являющимися существенными в семантическом плане для представлений о хлебе. Лексическая многозначность слова *хлеб* служит языковым средством реализации игрового характера процесса загадывания.

Особенности употребления лексико-семантических вариантов лексемы *хлеб* в вопросе и ответе загадки свидетельствуют о том, что полисемия выступает жанрообразующим свойством данного вида паремии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексема *хлеб*, русская народная загадка, загадываемая часть, исходный денотат, денотативное значение лексемы, коннотативное значение лексемы

для цитирования: Мещерякова О. А., Турко У. И. Полисемия лексемы «хлеб» и ее реализация в русской народной загадке // Русская речь. 2024. № 5. С. 84–95. DOI: 10.31857/S0131611724050079.

The Language of Fiction

The Polysemy of the Lexeme “Bread” and its Functioning in the Russian Folk Riddle

---

Olga A. Meshcheryakova¹, Ulyana I. Turko², Pushkin Leningrad State University (Russia, Leningrad region)¹, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets)², lameo56@yandex.ru¹, selishchevskaya@mail.ru²

ABSTRACT: In this article, the authors examine the polysemy of the lexeme *bread*, which can be found in a Russian folk riddle. The proverbs recorded in the collection “Riddles” prepared by V. V. Mitrofanova served as a material for the analysis. The paper analyzes the uses of the polysemantic lexeme *bread* both in the answer and in the text of the riddle itself.

The designation of the original denotation using the lexeme *bread* is based on the denotative meaning, while the most popular are two main lexical-semantic options: ‘a food product baked from flour’; ‘grains (rye, wheat, etc.)’. The polysemy of the word influences the division of the riddles with the answer *bread* according to thematic content into two sections of the collection: “Food, drink”, “Arable land, mowing, sowing and processing of bread”.

In the question part of the lexeme, *bread* is used both in literal and figurative meaning. The derived meaning that arises on the basis of the metaphor is due to associative features that are not semantically essential for ideas

about bread. The lexical ambiguity of the word *bread* serves as a linguistic means of realizing the playful nature of the riddle process.

The peculiarities of the use of lexical-semantic variants of the lexeme *bread* in the question and answer parts indicate that polysemy is a genre-forming property of this type of proverb.

KEYWORDS: the lexeme *bread*, Russian folk riddle, the riddled part, the original denotation, the denotative meaning of the lexeme, the connotative meaning of the lexeme

FOR CITATION: Meshcheryakova O. A., Turko U. I. The Polysemy of the Lexeme “Bread” and Its Functioning in the Russian Folk Riddle. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2024. No. 5. Pp. 84–95. DOI: 10.31857/S0131611724050079.

Известно, что слово как единица лексического уровня русского языка может иметь не одно, а несколько значений, определенным образом связанных между собой. Подобное явление называется многозначностью, или полисемией [Шмелев 1997: 352]; для именования соответствующих лексем используются термины «многозначные слова», «полисеманты», а их отдельные значения чаще всего называются «лексико-семантическими вариантами» (ЛСВ), выступающими в качестве «простейшей единицы (элемента) смысловой структуры многозначного слова» [Новиков 1997: 455].

Необходимость выявления семантической структуры фольклорного слова определяет исследовательский интерес к многозначности слова в разных жанрах устного народного творчества. Русская народная загадка является одним из них.

Кроме «малой» формы, особенность загадки составляет ее двухчастная структура, обусловленная нацеленностью на вопросно-ответный диалог в игровой коммуникации. При этом между вопросной и ответной частью формируется «устойчивый репертуар семантических связей» [Солдаева 2018: 7]. На наш взгляд, формальная и содержательная стороны вопроса и ответа загадки тесно взаимосвязаны в силу кодовой организации паремии. Благодаря ей исходный денотат, то есть обозначаемый в отгадке предмет, идентичен преобразованному денотату в вопросной части, где тот же предмет «шифруется» посредством метафоры или олицетворения.

Кодирование и декодирование предметов внешнего мира базируется на общих знаниях, к которым относятся не только «типичные представления о предметах и событиях действительности» и не только «знания

духовной сферы, миропредставлений, свойственных народной ментальности, знания из области народной поэзии, мифологии и т. п.), но и «знания о языке, образуемые знанием слов, их значений и т. п.» [Ковшова, Орлова 2020: 72–73]. Это формирует научный интерес к возможностям «поведения» многозначного слова в структуре загадки.

В данной статье мы обращаемся к слову *хлеб* как лексическому компоненту, используемому в русской народной загадке, с целью установления особенностей употребления лексико-семантических вариантов этой языковой единицы в структуре и семантике паремии.

Согласно «Большому толковому словарю современного русского языка», в лексеме *хлеб* выделяется семь значений, каждое из которых выступает самостоятельным ЛСВ: 1) 'Пищевой продукт, выпекаемый из муки'; 2) 'Тесто, приготавливаемое для выпечки'; 3) 'Зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку такого продукта'; 4) 'Зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню'; 5) 'Пища, пропитание'; 6) 'Средства к существованию'; 7) 'О самом важном, необходимом для существования кого-либо' [Кузнецов 2000: 1444]. В основе развития полисемии лексемы лежит в первую очередь логическая цепочка, «схватывающая» производство продукта питания от выращивания растения до процесса изготовления продукта (ЛСВ 1–4). В то же время развитие значения обусловлено и оценочной деятельностью русского человека, в рамках которой обобщаются национальные представления о значимости хлеба (ЛСВ 5–7). Поэтому в данном случае следует говорить не только о метонимической, но и о символической модели формирования многозначного слова *хлеб*.

Материалом для анализа послужили паремии с лексемой *хлеб* из сборника «Загадки», изданного в рамках академической книжной серии «Памятники русского фольклора». Его составитель В. В. Митрофанова во «Введении» отмечала, что «по своему содержанию загадки касаются видимого, конкретного мира вещей и явлений, окружающих человека, причем вещей бытовых, “незначительных”, но близких и необходимых» [Митрофанова (сост.) 1968: 9]. Вполне закономерно, что в ряд таких предметов входит и хлеб.

Всего выделено 54 примера, где употребляется лексема *хлеб*. В 23 случаях слово употребляется в вопросной части загадки, а в 31 — в ее ответе.

Обращает на себя внимание тот факт, что отгадки с лексемой *хлеб* неоднородны по своей структуре. В одних случаях исходный денотат представлен отдельной лексической единицей, как правило, начальной формой имени существительного: (4162)¹ *Бьют меня палками, Трут меня камнями, А всяк мне близок (Хлеб)*. В других — слово включается в контекст.

¹ Здесь и далее в скобках указан номер загадки, приведенный в источнике: Митрофанова В. В. (сост.). Загадки. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 256 с.

Он может быть минимальным, если представлен словосочетанием: (2317) *Стоит баба на току, полон рот табаку (Мешок с хлебом)*, или расширенным, если образуется сложной синтаксической конструкцией: (2396) *Я, Петров, имею восемь углов, четыре уха и два брюха (Пещер из лык, в котормом хлеб возят)*. Анализ однокомпонентных и многокомпонентных вариантов отгадки показал, что ответная часть, как правило, состоит из одного слова тогда, когда лексема реализует ЛСВ 'пищевой продукт, выпекаемый из муки'. Это значение воспринимается языковым сознанием как главное, и форма такой отгадки не требует уточнения смысла посредством добавочных компонентов, поэтому контекст может отсутствовать.

Следует также отметить, что в русской культуре под готовым продуктом, обозначаемым словом *хлеб*, подразумевалось исключительно изделие из ржаной муки. Хлеб из пшеничной муки как объект загадывания требовал особой словесной формулы, в которой исходный денотат номинировался словосочетанием: (4235) *Сито вито, золотом покрыто (Белый хлеб)*.

Высокий статус ЛСВ 'пищевой продукт, выпекаемый из муки' обусловлен не столько коммуникативным фактором, в первую очередь не столько частотностью употребления, сколько аксиологическими представлениями русского народа, учитывавшими сложившиеся в данной культуре и материальные, и духовные потребности человека. Именно в силу культурных традиций ржаной хлеб оценивался как более значимый для жизни человека продукт, чем пшеничный хлеб. Подтверждением тому служит и целый ряд пословиц, в которых противопоставление двух видов хлеба (белый хлеб в них называется *калачом*) выявляет более высокий ранг ржаного: *Хлебушка калачу дедушка* [Даль 1989: 278], *Калач приестся, а хлеб никогда* [Там же: 286].

Фактор культуры определяет и то, что печеный хлеб, хотя обозначается той же лексемой, что и тесто, и зерно, как предмет вещного мира является по отношению к ним высшей формой [Ляпин 2014]. Наивысшая ценность хлеба как продукта, прошедшего приготовление, связана во многом с сакральными смыслами выпекания, которое понималось как «таинственное действие (хлеб, подобно живому существу, растет, поднимается)» [Толстая 2012: 413] и ассоциировалось с зарождением нового.

Таким образом, лексема *хлеб*, употребленная вне контекста, реализует в ответной части загадки главный ЛСВ 'пищевой продукт, выпекаемый из ржаной муки', который в иерархии многозначного слова занимает первенствующее положение.

Вербальным маркером статуса неосновного, второстепенного ЛСВ, который реализуется лексемой *хлеб* в отгадке, выступает включение слова в минимальный или расширенный контекст.

Так, ЛСВ 'зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню' реализуется при употреблении лексемы *хлеб* в отгадке-предложении *Гром, град побил хлеб*,

которая идентифицирует образную часть загадки (297) *Бежит бегун, ревет реву, хочет миллион колоть.*

Вербальное «окружение» обязательно для лексемы *хлеб*, если она употребляется в значении ‘зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку продукта’: (2395) *Часть в сусек кладет, Часть взаймы дает, Часть обратно отдает (Мужик часть хлеба кладет в сусек, детей и отца кормит).* Сусек — это место для хранения зерна или муки, и описание действия с хлебом *кладет в сусек* указывает на соответствующее значение слова *хлеб*, которое реализует второстепенный вариант многозначного слова.

Статусом второстепенного также наделяется ЛСВ ‘тесто, приготавливаемое для выпечки’. При реализации этого значения существительное *хлеб* употребляется как в единственном, так и во множественном числе, однако контекст обязателен в любом случае: (4169) *Возьму пыльно, сделаю жидко, Брошу в пламень, будет как камень (Хлеб из муки, пирог);* (4203) *Полон хлев бесхвостых овец, Одна была с хвостом и та ушла (Хлебы посадили в печь, а лопату вынули).*

Наряду с лексемой *хлеб* в отгадке могут использоваться синонимичные слова, именующие те же понятия, что и *хлеб*. В таких случаях *хлеб* реализует основное значение.

Например, в значении ‘тесто’ используется слово *опара*, что исключает возможность двусмысленного толкования слова *хлеб*, с помощью которого в данной загадке выражается основной ЛСВ: (4201) *На озере на Ладожском, На устье на Волховском Вода с песком помутилась, Они свиданья убоялись, Из Ладожского выбирались, О том люди догадались, За орудие хватались, Усмирять их собирались, Усмирять их перестали, После вон таскать их стали, На площадку выводили, На базаре продавали, Что хотели, то и брали, А покупатели по необходимости покупали (Опара и хлеб).*

Таким образом, полисемия слова *хлеб* в исходном денотате играет важную роль в обозначении хотя и смежных, но разных понятий. Иерархия лексико-семантических вариантов многозначного слова определяет разные структурные модели формулировок отгадки.

Полисемия лексемы *хлеб*, используемой в ответной части загадки, влияет на тематическую классификацию загадок.

Паремии с компонентом *хлеб* в отгадке включены составителем сборника в два разных раздела. Те, что реализуют ЛСВ ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’, или ‘тесто, приготавливаемое для выпечки’, помещены в раздел «Пища, питье»: (4160) *Били меня, колотили меня, Во все чины производили, Да и за стол посадили (Хлеб);* (4161) *Режут меня, вяжут меня, Бьют нещадно, колесуют меня, Пройду огонь и воду и конец мой — огонь и зубы (Хлеб).*

Загадки, которые шифруют представление о хлебе как о растении, отнесены к разделу «Пашня, покос, посев и обработка хлеба»: (2309) *Потел, потел, в дыму закоптел (Хлеб в овине).*

Подобное разделение свидетельствует о том, что многообразная и сложная семантическая структура лексемы *хлеб* реализуется и в загадке, отражающей фольклорную картину мира, под которой понимается «совокупность коллективных знаний, идей и представлений» [Голованова, Голованов, Казачук 2016: 37], зафиксированных в разнообразных жанрах устного народного творчества.

Кроме того, слову *хлеб* как обозначению исходного денотата присуще различие оттенков значения, не выделяемых в лексикографической практике словарей при описании значений лексемы.

Так, детализация процесса замешивания теста делает объектом загадывания начальный этап замеса: (4172) *В Юрьевском, Афанасьевском Билясы коза с козлом, Помешалась вода с песком (Хлебы замешивают)*. Слова *вода* и *песок* в преобразованной части, где словом *песок* кодируется «кулинарное» значение ‘сахар в мелких кристалликах’ [Кузнецов 2000: 827], создают образ продукта в жидком виде, соответственно лексема *хлебы* реализует представление о жидком тесте. Это говорит о существовании ЛСВ ‘збродившее жидкое тесто’, который свойственен лексеме *хлеб* при ее употреблении в поговорке. Этот вариант реализуется в отгадке *Хлебы замешивают*. Она соответствует загадкам, которые акцентируют внимание на традиционном начальном поваренном этапе, сопровождавшем замес: (4171) *В одной дежке две приспешки (Хлебы замешивают)*; (4173) *На озере Ладожском, На море Мурманском Помутилась вода с песком, Поборолся Илья с Петром (Хлебы замешивают)*; (4174) *Помутилась вода с песком, Побрались Лука с Петром, А я без Федора и в суд неиду (Хлебы замешивают)*.

Также в отгадке можно отметить понятийную детализацию процесса обработки хлеба-растения. И если в узусе за словом *хлеб* стоит ЛСВ ‘зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню’, то есть рожь, пшеница, растущие в поле, то в языке загадки выделяется ЛСВ ‘скошенные зерновые’. В результате лексема *хлеб* в исходном денотате обозначает растение, которое уже не «на корню», а срезано и готовится к обмолоту. (2316) *На ладонке чиршок (Ворох хлеба на гумне)*. Здесь *хлеб* обозначает ‘срезанное и собранное зерновое растение, складываемое в скирды в специально отведенном месте, для его последующей обработки’. Другая загадка именуется *хлебом* зерновые, скошенные и свезенные в специальную постройку, приспособленную для сушки снопов перед молотью: (2309) *Потел, потел, в дыму закоптел (Хлеб в овине)*. Языковым показателем когнитивного явления понятийной детализации выступает употребление лексемы *хлеб* в составе словосочетаний *Ворох хлеба на гумне*, *Хлеб в овине*, где второй компонент *на гумне*, *в овине* указывает на ограниченное пространство, связанное с сельскохозяйственной обработкой зерновых. Словосочетание в ответной части загадки свидетельствует о взаимодействии «хлебной» и пространственной семантики. Именование мест, связанных с хранением

и переработкой зерновых, обусловлено специфическими особенностями хлебного производства в стране. Лексемы, объединяющие пространственную и хлебную темы, создают контекст, указывающий на дополнительный ЛСВ, важный для фольклорной картины мира.

Эти примеры говорят о развитии многозначности лексемы *хлеб* в паремии, в частности в отгадываемом ответе. Усиление полисемии слова при его употреблении в отгадке связано с концептуализацией знаний, относящихся к особенностям «хлебного» производства, куда входит и хлебозаготовка, и хлебопечение. Дополнительные ЛСВ имеют терминологическое значение. Реализация их в ответной части говорит о широком распространении производственной культуры хлеба в повседневной жизни русского крестьянина.

В вопросной части активное использование лексемы *хлеб* как многозначного слова имеет разнообразные функции.

Такая лексема может служить подсказкой к загаданному образу, если употребляется в прямом значении. В этом случае слово называет детали житейской ситуации, знакомой отгадчику, и тем самым дешифрует образ, дает ключ к разгадке.

Например, то, как человек откусывает хлеб и как его пережевывает, воспроизводится в загадке о зубах: (1511) *За белую поленицу хлеб кидают, Ей толкут, ей перетирают (Зубы)*. Хлеб реализует ЛСВ — ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’. Описание действий, производимых с хлебом, — *кидают, толкут, перетирают*, вкупе с прямым значением слова, ориентирует на ситуацию употребления пищи, декодируя образное содержание, обусловленное лексемой *поленица*, — ‘дрова, уложенные друг на друга правильными рядами’.

Путь к дешифрованию может быть указан лексемой *хлеб*, если она реализует и другой ЛСВ многозначного слова — ‘злаковые на корню’: (2134) *Маленький, горбатенький все поле пробежал И весь хлеб поваял (Серп, жнут серпом)*. В контексте загадки, кроме слова *хлеб* в прямом значении, используется слово *поле*, также употребленное в денотативном значении. Две лексемы *поле* — *хлеб* образуют семантическую пару в загадываемой части и подсказывают отгадчику ситуацию уборки урожая зерновых. Как и в предыдущем примере, здесь употребляется прямое значение слова *хлеб*.

Однако часто многозначность лексемы выполняет противоположную прагматическую функцию — не помогает отгадывать, а запутывает отгадчика, ведь загадывание загадки есть игровой процесс. В этом случае паремия строится так, что отгадчику нужно решить, какое из нескольких прямых значений, имеющихся у слова, реализуется в загадке.

Так, при отгадывании загадки (2074) *Что в хлебе родится, а есть не годится? (Василек или другой цветок во ржи)* отгадчику нужно осуществить выбор между несколькими прямыми значениями слова *хлеб*: это продукт

питания или злаковое растение? При этом другие компоненты загадываемой части поддерживают семантическую двуплановость слова *хлеб*. Глагол *есть* коррелирует со значением ‘продукт питания’, глагол *родится* — со значением ‘злаковое растение’. Так в содержании загадки осуществляется языковая игра, в которой многозначность слова выполняет жанрообразующую функцию.

Языковая игра, обусловленная многозначностью лексемы *хлеб*, отмечается и в других загадках.

(2869) *Стучит, бренчит, сто коней бежит, Что есть хлеб в околотке, весь хлеб поест (Мельница)*. Паремия строится на соотношении значений ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’ и ‘зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку хлебного продукта’. Выбор второго значения приводит к отгадке, а первый вводит в заблуждение, ориентирует на образ некоего ненасытного «чудища».

Употребление лексемы *хлеб* в загадываемой части, как и в отгадке, может быть обусловлено дополнительной, по сравнению с узусом, дифференциацией значения.

Например, в загадке (1751) *Вырубил мужик одно деревце, из деревца сделал три дельца: перво дельце — соборный хлеб, другое дельце — полуночный свет, третье дельце — ах, хорошо (Береза и то, что из нее изготавливают) хлебом обозначается просфора* — ‘хлеб, используемый в православном богослужении’. Языковым маркером формирования дополнительного значения выступает контекст, в котором существительное *хлеб* сочетается с прилагательным *соборный*. При этом лексема *хлеб* выполняет функцию кулинарного кода, и для декодирования смысла необходима актуализация культурных знаний. Выпекание литургического хлеба требовало прописки на хлебе различных религиозных символов — очертания креста, сокращенного написания имени Иисуса Христа *ИС ХС* и т. п. Они производились с помощью специальной печати из березы. Это и обусловило включение в загадку о дереве и его свойствах использование лексемы *хлеб* в новом ЛСВ, что позволяет говорить о терминологическом развитии значения — ‘литургический хлеб’.

В силу своей дискурсивной природы загадка реализует не только прямое значение. В загадываемой части у лексемы *хлеб* формируются коннотативные значения, призванные сформировать образное представление об объекте загадывания.

Так, анализ контекста лексемы в образной части загадки показывает, что слово *хлеб* включается в процесс метафоризации и на этом основании приобретает новые значения. Например, в загадке (1306) *Хлеб на углу избы лежит, а в хлебе крыса сидит (Беременная женщина) хлеб* реализует соматическое значение (от греч. *sōta* — ‘тело’), так как лексемой обозначен большой круглый живот беременной женщины. Формирование

переносного значения связано с несущественными признаками, которые по своей семантической природе являются ассоциативными для основного значения слова, но при переносе «оказываются семантическим ядром» [Апресян 1995: 160] слова. Будучи несущественными, они в то же время многократно проявляют себя в языке, образуя коннотации [Там же], то есть дополнительные, сопутствующие значения. В данном случае перенос формируется на основе ассоциативного признака 'форма и размер хлеба', однако признать его случайным для фольклорной картины мира нельзя, так как он обусловлен культурологически. Внешний признак хлеба переносится на внешний облик беременной женщины, потому что хлеб традиционно был символом плодородия и одновременно «сугубо женским делом» [Толстая 2012: 412]. В русском фольклоре именно хлеб используется для описания беременности [Глянц, Пименова, Потапенко 2017: 33], и загадка является еще одним доказательством этого факта.

Метафорический тип переноса 'часть хлеба — небесное светило', формирующий коннотативное значение, основывается на сходстве формы и цвета краюшки хлеба и месяца. Подобное развитие значения лексемы *хлеб* присутствует в целом ряде загадок. (99) *Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка, Собаки лают, достать не могут (Месяц)*; (100) *За бабушкиной клетушкой висит хлеба краюшка (Месяц)*.

Примечательно, что в некоторых паремиях проявление ассоциативного значения лексемы *хлеб* обусловлено не отдельным компонентом загадываемой части, а образной ситуацией.

Например, в загадке (56) *Раскину я рогожку, насыплю горошку, Поставлю квасу кадушку, положу хлеба краюшку (Небо, звезды, месяц, дождь)* лексема *хлеб* в сочетании со словом *краюшка* представляет собой кулинарный код, благодаря которому шифруется представление о месяце. Сходство формы двух объектов — месяца и ломтя хлеба, отрезанного от края каравая, а также цветовая схожесть лежат в основе метафоры *хлеба краюшка — месяц*. Однако представление о загадываемом объекте рождается не из отдельного образа, а из всей представленной картины, в которую включена *рогожка*. Именно соединение двух образов — хлеба и скатерти — важно для реализации коннотативных значений 'месяц' и 'небо'. Причем подобное соединение детерминировано культурологически, так как «никогда буханку не клали на голый стол без скатерти» [Хлебные традиции].

Таким образом, полисемия лексемы *хлеб* имеет большое значение для содержательного и структурного формирования загадки как жанра паремии. Используемое в обеих структурных частях, слово реализует различные лексико-семантические варианты, зафиксированные в лексико-графической практике. Это позволяет охватить разные стороны русской жизни, в первую очередь те, что связаны с хлебным производством в крестьянском быту.

В ответной части загадка разграничивает главный и второстепенные смыслы лексемы *хлеб*, что определяет синтаксическую модель описания исходного образа. В загадываемой части употребление многозначного слова *хлеб* направлено на выполнение разнообразных функций, необходимых для осуществления игровой коммуникации. Важно и то, что включение в текст паремии слова *хлеб* во всем спектре его значений имеет культурологическое основание.

Источники

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 447 с.

Митрофанова В. В. (сост.). Загадки. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 256 с.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Глянц М., Пименова М. А., Потапенко В. В. Роль русской печи в жизни восточных славян // Национальные приоритеты России. 2017. № 5 (27). С. 30–36.

Голованова Е. И., Голованов И. А., Казачук И. Г. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 34–45.

Ковшова М. Л., Орлова О. С. К вопросу о семантической структуре загадки: когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 4 (4). С. 70–79.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Ляпин Д. А. Путешествия в прошлое: очерки этнографии Верхнего Подонья. Кемерово: Азия-Принт, 2014. 144 с.

Новиков Л. А. Семантическая структура слова // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Издательский дом «Дрофа», 1997. С. 455–457.

Солдаева А. А. Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 25 с.

Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 412–421.

Хлебные традиции – Хлебные традиции и обычаи Славян [Электронный ресурс]. URL: <https://sladik.net/prokhlleb/prokhlleb-traditsii-slavyan.php> (дата обращения: 27.08.2024).

Шмелев Д. Н. Полисемия // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Издательский дом «Дрофа», 1997. С. 352.

References

- Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy. Tom II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Volume II. Integral description of the language and systemic lexicography]. Moscow, Shcool "Yazyki Slavianskoi Kul'tury" Publ., 1995. 767 p.
- Glyants M., Pimenova M. A., Potapenko V. V. [The role of the Russian stove in the life of the Eastern Slavs]. *Natsional'nye priority Rossii*, 2017, no. 5 (27), pp. 30–36. (In Russ.)
- Golovanova E. I., Golovanov I. A., Kazachuk I. G. [Language picture of the world vs. folklore picture of the world: points of common ground and differences]. *Nauchnyi dialog*, 2016, no. 8 (56), pp. 34–45. (In Russ.)
- Khlebnye traditsii – Khlebnye traditsii i obychai Slavyan* [Bread traditions – Bread traditions and customs of the Slavs]. Available at: <https://sladik.net/prokhlebl/prokhlebl-traditsii-slavyan.php> (accessed: 27.08.2024).
- Kovshova M. L., Orlova O. S. [On the question of the semantic structure of the riddle: cognitive and cultural commentary as a principle of research]. *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie*, 2020, no. 4 (4), pp. 70–79. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Lyapin D. A. *Puteshestviya v proshloe: ocherki etnografii Verkhnego Podon'ya* [Travels to the past: essays on the ethnography of the Upper Don region]. Kemerovo, Asia-Print Publ., 2014. 144 p.
- Novikov L. A. [Semantic structure of a word]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Scientific publishing house "Great Russian Encyclopedia", Drofa Publ., 1997, pp. 455–457. (In Russ.)
- Shmelev D. N. [Polysemy]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Scientific publishing house "Great Russian Encyclopedia", Drofa Publ., 1997, p. 352. (In Russ.)
- Soldaeva A. A. *Intertekstual'nost' russkoi traditsionnoi zagadki: lingvisticheskii aspekt*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Intertextuality of the Russian traditional riddle: linguistic aspect. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2018. 25 p.
- Tolstaya S. M. [Bread]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti t. T. 5: S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. V. 5: S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2012, pp. 412–421. (In Russ.)